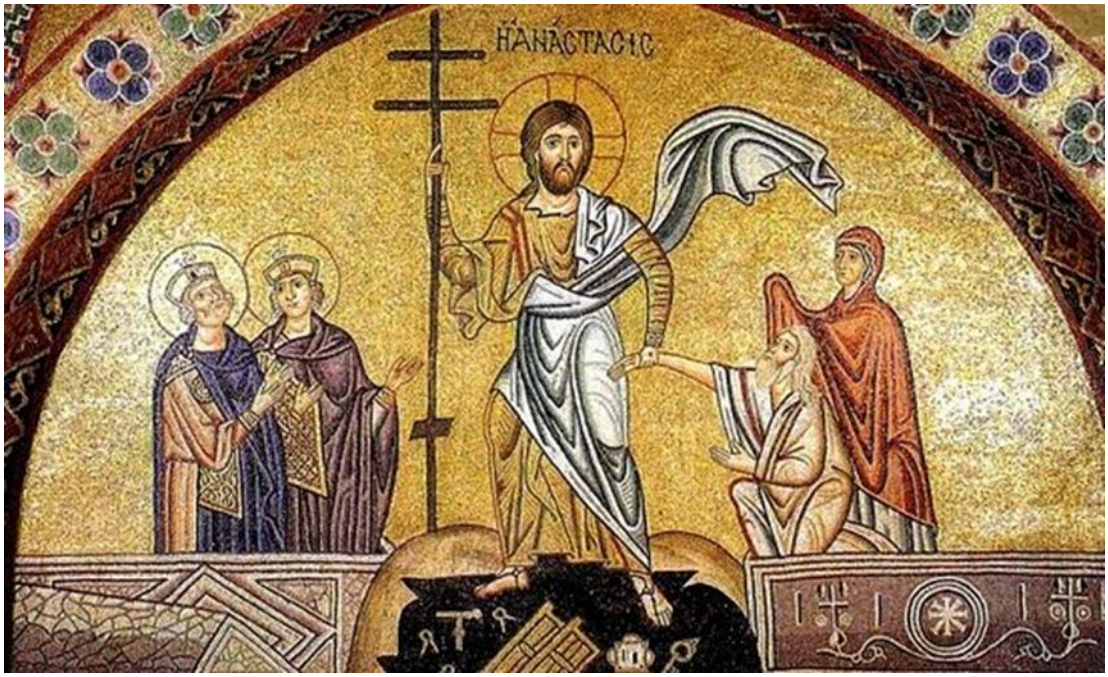
Пасха, Господня Пасха.

Из пасхальных обычаев православной церкви

Христос воскресе из мертвых,
смертию смерть поправ
и сущим во гробех живот даровав.

Из тропаря праздника

ПАСХА, ГОСПОДНЯ ПАСХА



Пришла Пасха, и многое из Писаний облеклось в плоть и кровь. Так бывает: ты слышишь слова, слова, слова, но не понимаешь, о чем это. Или тебе кажется, что ты понимаешь. Но потом приходит некий внутренний опыт, и то, что зналось по слуху уха, превращается в знание сердца. Затем требуется память сердца, иначе придет «забвение», избавить от которого, вкупе с малодушием и окамененным нечувствием, просит Бога в своих молитвах Златоуст.

Итак, пришла Пасха, и что можно понять сердцем бьющимся, а не умом холодным? Можно понять, почему Серафим Саровский всем приходившим к нему с некоторого времени говорил: «Христос воскресе, радость моя!» То есть он вошел в некое состояние, в котором потребляются, сгорают немощи и скорби человеческие, и мог это состояние передавать от

сердца своего к сердцу человека пришлого. Пасха была для него (Серафима) длящейся и «вечнующей», а не раз в год празднуемой.

Раз она, Пасха, имеет в себе нечто от вечности, то понятно о какой радости говорит хозяин благоразумному рабу: «Вниди в радость Господа твоего» (См. Мф. 25:23). Вечная жизнь ведь не есть лежание сонливое под райскими кустами, но некая «радость и мир в Духе Святом» (Рим. 14:17). И что же это за радость, если не радость об Агнце, Который был мертв, но се жив во веки веков? Радость Царства Божия есть подлинно радость Пасхальная, разве что умноженная в сотни крат. И в эту именно радость частично вступали мученики и преподобные, и праведные люди, имевшие власть сказать во всякое время: «Христос воскресе, радость моя!»

Если и псы едят крохи под столами господ своих, то мы, на земле живущие и даже ползающие на брюхе, под столом собираем крохи Пасхальной радости. Там, наверху –подлинная трапеза. А у нас на земле – всего лишь крохи под столом. Но по вкусу этих неподражаемых крох можем и мы теперь себе составить представление о вкусе вечных благ, поскольку радость и на небе, и на земле – об одном и Том же Воскресшем Господе.

Да и грешнику сильно радоваться и не пристало. Если много нового вина налить в ветхие мехи, то и вино прольется, и мехи пропадут. Поэтому Пасхальной радости сопутствует чувство недостоинства. Пасха – не заработанный пир, а незаслуженный дар, «да никто же похвалится». И необходимо Богу уравновешивать подаваемую благодать открытием немощей, сокрытых внутри человека. Иначе пропадет человек. Если только немощи его тайные открывать ему, то умрет он от

тоски, или даже убьет себя. А если только благодать подавать ему, то станет он еще одним дьяволом. Поэтому изобильные в благодати дни изобильно открывают также и внутри христианина многочисленные раны, которые не запрещают праздновать Пасху, но запрещают гордиться и величаться. И на повестке дня вопрос о хранении благодати. Поскольку написано немало книг о том, как готовиться, например, к Причастию, но не встречал я книг, объясняющих, как вести себя после Причастия. Получить можно много (Бог не жаден), но распорядиться с полученным подарком удастся ли?

Итак, Пасха пришла и в свой черед уйдет, а жизнь продолжится. Надолго ли Пасха уйдет? На неделю только. Каждое воскресенье – Пасхальный день. Истинный поклонник Воскресшего Господа не тот, кто раз в год приходит на длинное и особое Богослужение, отягчая руки корзинами со снедью, а тот, кто всякую неделю в воскресный день чтит и славит Победителя смерти – Иисуса. В этом понимании Пасхи Христовой – ближайший и необходимейший плод всех Пасхальных торжеств. Состоится это – вслед за сим многое другое из вопросов веры облечется в осязаемую плоть и кровь, получит внутреннее понимание и принесет необходимый плод: в тридцать, в шестьдесят и в сто раз.

Протоиерей Андрей Ткачев
22 апреля 2012 года

ИЗ ПАСХАЛЬНЫХ ОБЫЧАЕВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Остановимся на некоторых пасхальных обычаях Православной Церкви.

Пасхальное красное яйцо символизирует искупление человеческих грехов жертвенной кровью Спасителя. В одной русской рукописи XVI века из собрания библиотеки Московской духовной академии говорится следующее: «Яйцо применено ко всей твари: скорлупа – аки небо, плева – аки облацы, белок – аки воды, желток – аки земля, а сырость посреде яйца – аки в мире грех. Господь наш Иисус Христос воскресе от мертвых, всю тварь обнови Своею кровию, якож яйцо украси, а сырость греховную иссуши, якоже яйцо изгусти».

Обычай дарить на Пасху красные яйца, по церковному преданию, начат святой Марией Магдалиной, которая, придя в Рим для проповеди Воскресения Христова, подарила красное яйцо императору Тиверию со словами: *"Христос воскресе!"* О древности обычая свидетельствует такой факт: он сохранился в сообществах, еще в V–VI веках отпавших от Православия: у армян, маронитов и яковитов.

Освящение яиц и сыра, совершаемое с тем, чтобы телесное утешение и подкрепление начинались по благословению Церкви, также имеет древние корни. В уставе обители святой Анастасии близ Солуни (X в.) написано: «Читается также молитва на благословение яиц и сыра, и игумен, целуя братию,

раздает им яйца и говорит: *"Христос воскресе!"* Так мы приняли от святых отцов, которые сохранили сие обыкновение от самых апостольских времен».

Необходимо сказать несколько слов об артосе – освященном хлебе в виде большой просфоры, выпекаемом с изображением Креста (без Спасителя) или с образом Воскресения Христова. Артос в продолжении всей Светлой седмицы занимает в храме самое видное место, вместе с иконой Воскресения Господня, и в заключение пасхальных торжеств раздается верующим.

Его употребление начинается с самого начала христианства. В сороковой день по Воскресении Господь Иисус Христос вознесся на небо. Ученики и последователи Христовы находили утешение в молитвенных воспоминаниях о Господе, они припоминали каждое Его слово, каждый шаг и каждое действие. Когда сходились на общую молитву, они, вспоминая Тайную вечерю, причащались тела и крови Христовых. Готовя обыкновенную трапезу, они первое место за столом оставляли невидимо присутствующему Господу и полагали на это место хлеб. Подражая апостолам, первые пастыри Церкви установили в праздник Воскресения Христова полагать в храме хлеб как в видимое выражение того, что пострадавший за нас Спаситель сделался для нас истинным хлебом жизни.

На артосе изображен крест, на котором виден только терновый венец, но нет Распятого – как знамение победы Христовой над смертью, или изображение Воскресения Христова. С артосом соединяется и древнее церковное предание, что апостолы оставляли за столом часть хлеба в долю Пречистой Матери Господа в напоминание постоянного общения с Ней и по-

сле трапезы благоговейно делили эту часть между собой. В монастырях этот обычай носит название чина о панагии, то есть воспоминания о Всесвятейшей Матери Господа. В приходских церквях этот хлеб Богоматери вспоминается раз в год в связи с раздроблением артоса.

Освящается артос особой молитвой, окроплением святой водой и каждением в первый день святой Пасхи на литургии после заамвонной молитвы. Артос полагается на солее, против царских врат, на уготованном столе или аналое. После освящения артоса аналой с артосом ставят на солее пред образом Спасителя, где артос лежит в течение всей Святой седмицы. Его сохраняют в храме всю Светлую седмицу на аналое пред иконостасом. Во все дни Светлой седмицы по окончании литургии с артосом торжественно совершается крестный ход вокруг храма. В субботу Светлой седмицы по заамвонной молитве читается молитва на раздробление артоса, он раздробляется и в конце литургии при целовании креста раздается народу как святыня.

2013г.